

ТАНЯ ВИНК

ТАНЯ
ВИНК



ЗАМУЖ – НИКОГДА

ЗАМУЖ – НИКОГДА

Еще в тринадцать Аня решила: она никогда не выйдет замуж. Наученная горьким опытом — несчастливым браком родителей, девушка не верила в любовь. Аня была не избалована вниманием парней, однако совсем не огорчалась по этому поводу. Всю свою любовь она отдавала младшему брату Женьке, воспитывала мальчика и заботилась о нем, как родная мать. И тут в жизнь Ани ураганом врывается Дима... Он дарит ей ту самую любовь, которой она так боялась и которую так ждала.

Но Аня понимает, что не готова ему довериться...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5112-0



9 786171 251120



all

Таня Винк



ЗАМУЖ -
НИКОГДА

РОМАН

ХАРЬКОВ  КЛУБ
2019  СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
В48



Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-5112-0

- © Винник Т. К., 2018
- © Depositphotos.com / SolominViktor, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ГЛАВА 1

— Ничего себе — какая молодая мама! — В мужском голосе было больше удивления, чем заигрывания. — И такая красивая!

Ну, это уж слишком! Аня закрыла кошелек и повернула голову, собираясь отбрить незнакомца, но слова застряли у нее в горле. Сердце екнуло. Впервые в жизни, так, что даже дыхание остановилось. Несколько мгновений она вообще ничего не могла сказать, только моргала, зато Женька нашелся сразу.

— Это моя сестра, — с гордостью, четко выговаривая слова, объявил он.

— А... — Незнакомец открыл рот. — А я решил...

— Ничего. — Женька сунул руки в карманы джинсов. — Ты не первый. — Он выжидательно уставился на незнакомца.

«Он говорит ему “ты”. Так нельзя», — мелькнуло в голове у Ани, но она ничего не сказала, не смогла, у нее будто язык отнялся. Возникла неловкая пауза.

«Ну, и что дальше?» — подумал Женья, глядя на незнакомца, а тот смотрел на Аньку, как дурак. Другого слова не найдешь — если парню нравится девушка, он тут же становится недоумком. Ох уж эти ухажеры... И Анька в ступоре... Надо же, а еще взрослые люди! М-да... Анька покраснела, глазами хлопает, блондинистые локоны туда-сюда елозит, грудь свою цыплячью выпячивает, живот втянула. Да там и втягивать нечего, вообще непонятно, куда она ест. Вдыхает... Ужас! А этот... Ничего, симпатичный. Видимо, в «качалку» ходит. Но не дебил. Прикид нормальный. Ногти аккуратно подстрижены. Женья осмотрелся. «Надо что-то делать, а то торчим посреди тротуара, как памятники, обходи нас!»

— И долго вы так будете стоять? — с нетерпением и насмешкой спросил Женька, немного досадуя на то, что он тут третий лишний.

Но они, видать, ничего не поняли, насмешки не уловили и продолжали пялиться друг на друга. Ну, чистые идиоты... Что он, что она.

— Аня, мы, кажется, гуляем? — Женька сверлил сестру глазами.

— И я гуляю, — промямлил «не дебил».

Женька смерил его с головы до ног пристальным взглядом и снова уставился на Аню. Раньше ему очень не нравилось, когда к ней приставали, но теперь он уже взрослый, все понимает. Сеструхе пора личную жизнь устраивать, а то уже задолбала своей опекой, все думает, что он маленький, а он совсем не маленький, уже с Кариной из девятого «б» целовался. Все, хватит, пусть Анька кого-нибудь другого долбит. Вот этого мужика, например.

— Ребятки, сойдите с дороги, — громко сказал Женя и шагнул к обочине.

— Что? — Аня вздрогнула и удивленно распахнула глаза.

— Вы людям мешаете, — прошипел брат.

Аня тут же отскочила к кустам, и вдруг все вокруг нее зашумело, загудело, задвигалось... «Ой, что это со мной?» — подумала девушка, осматриваясь, и, пока она приходила в себя, а потом, отчаянно краснея и пряча лицо, зачем-то полезла в сумочку, Женька и незнакомец пожали друг другу руки и она услышала:

— Дима.

— Аня, ты что-то потеряла? — спросил Женя.

— Нет... Кажется, телефон звонил. — Она подняла голову и провела рукой по волосам.

— Моя сестра Аня, ну, ты уже понял... — Женька улыбнулся.

— Очень приятно. — Дима протянул ей руку.

— Аня... — пробормотала девушка.

Его пожатие было теплым и нежным. По телу Ани будто ток пробежал...

— Ты один гуляешь? — поинтересовался Женя. Он басил подобно многим пятнадцатилетним мальчишкам.

— Женя, ты не имеешь права говорить старшим «ты», — наконец озвучила свою мысль Аня.

— Ну что вы, я не против! — воскликнул Дима, улыбаясь. — Да, я гуляю один. Я каждый вечер тут прогуливаюсь. Я живу рядом, возле военного училища...

Слушая его, Аня все больше напрягалась — она уловила в голосе Димы то, чего не слышала у других: странную, волнующую вибрацию. Или ей показалось? И вообще, что, черт возьми, с ней происходит?!

— В твоём доме почта, да? — со знанием дела спросил Женька, шурясь от теплого апрельского солнца, пробивающегося сквозь густую листву старых каштанов.

— Да, в первом подъезде.

— А мы живём возле рынка.

— Так мы почти соседи! — обрадовался Дима. — Я недавно сюда переехал, точнее вернулся. Раньше я жил тут, потом на Холодной горе, а здесь моя бабушка осталась. Она умерла в прошлом году, и вот, — он развел руками, — мы вернулись, так сказать, под родную крышу. А вы в каком доме живёте?

— В пятьдесят седьмом, — сказал Женья.

— Ты учишься в шестнадцатой школе? — Дима повернулся к Женьке всем торсом.

— Да.

— Я тоже там учился до седьмого класса. Кто у вас сейчас математику преподаёт?

— Леонид Семенович.

— Леня? — Дима удивленно выпучил глаза и засмеялся. — До сих пор? Тебе повезло, он классный препод.

— Суперовый!

— А что, его пиджак по-прежнему весь мелом испачкан?

— Да, — Женька растянул губы в улыбке, — и брюки. Он очень занятный дядька. Никогда не кричит и в школу ходит через дырку в заборе.

— До сих пор?! Ой, я тебе такое расскажу...

И Дима увлек Женьку к фонтану. Аня последовала за ними, не отрывая глаз от спины Димы.

— ... Однажды мы решили сорвать контрольную по математике. У нас в классе был пацан, его отец работал в трамвайном депо и приносил домой графитовую смазку, ну, мы и обмазали ею дыру в заборе. Спрятались за трансформаторной будкой и ждем...

«Как он на меня смотрел...» Аня набрала в грудь побольше воздуха. Ощущение такое, будто её легкие не дышат. Только пульс бьётся там... внизу живота... Надо взять себя в руки! «Спокойно. Спокойно...» Аня вдохнула, и воздух наполнил легкие. «Вот так... Молодец...» Но сердце, непослушное сердце забило так испуганно! Ему было хорошо как никогда, но оно не верило, что такой парень, как Дима, может обратить на неё внимание. В ней ведь нет ничего особенного, обычная одежда,

неброская внешность. Разве что волосы... Да, волосы у нее красивые, золотистые и длинные, ниже лопаток. Правда, сейчас они собраны в конский хвост.

— ...И он вел урок в халате трудовика? — рассмеялся Женька.

— Ага! И в спортивных штанах, их он у физрука взял.

— Уникальный дядька! Он же мог пойти домой, переодеться...

— Тогда бы контрольная сорвалась, — хмыкнул Дима.

Женя бросил через плечо:

— Анька, ты слышала про математика?

— Да.

Она все слышала, но плохо понимала, о чем идет речь, — не только глаза, все ее существо было приковано к тоненькому серо-синему пуловеру и джинсам, облегаящим стройную спортивную фигуру нового знакомого, к его каштановым, слегка вьющимся волосам.

— Ты знаешь, — услышала Аня голос Димы, — благодаря Леониду Семеновичу я полюбил математику и поступил в политехнический институт.

— Ты студент? — поинтересовался Женька.

— Нет, я уже восемь лет как окончил вуз.

— Ничего себе! А я думал, ты моложе Аньки. А ты накачанный... Чем занимаешься?

— В институте боксировал, побеждал в соревнованиях, — с гордостью ответил Дима, — а сейчас в тренажерный зал хожу, чтобы форму поддерживать. А ты занимаешься спортом?

— Да, плаваю и тоже побеждаю. — Женька самодовольно улыбнулся.

— А ну, покажи мускулатуру.

Женька остановился и поднял руку, сжатую в кулаке.

— Ого! — Дима обхватил пальцами его бицепс. — Слушай, с таким ростом и длиной рук тебе прямая дорога в бокс.

— Я не люблю бокс. — С лица Жени исчезла улыбка.

— Не любишь? — удивился Дима. — Ты просто не пробовал. Ты даже не представляешь...

— И не хочу представлять, — оборвал его Женя. — Ненавижу, когда один человек бьет другого.

— Так это же игра! — Дима пожал плечами и развел руки в стороны.

— Тем более.

— Хм... Ну... — Дима повернулся к Ане. — Ой, простите, мы о вас совсем забыли.

— Нет, что вы, все в порядке. А... где вы работаете? — спросила Аня.

— В одной очень интересной лаборатории. — В глазах Димы вспыхнули озорные огоньки.

— А что в ней интересного? — Женька наклонил голову к плечу.

— Мы опресняем воду, вернее, ищем новые, более дешевые методы опреснения.

— Опресняете воду? — Лицо Жени вытянулось. — А где вы берете соленую воду? В Харькове моря нет...

— Нам привозят образцы со всех морей и океанов. Морская вода, знаешь ли, везде разная.

— Догадываюсь, — хмыкнул Женя.

— А ты слышал, что воды, пригодной для питья, на нашей планете осталось всего около трех процентов? В Саудовскую Аравию, например, пресную воду возят танкерами — их воду опреснять дороже, чем привозить.

— Нет, не слышал. — У Женьки отвисла челюсть.

— Если хочешь, покажу тебе нашу лабораторию.

— Конечно хочу! — Глаза Жени загорелись любопытством.

— Отлично. Это очень интересная проблема, и ее надо решать сегодня, потому что запасов пресной воды на планете катастрофически мало... — Дима запнулся. — Ой, извините... Когда я говорю о работе, меня невозможно остановить.

— Это хорошо, когда любишь свою работу, — сказала Аня. Вот, они снова уставились друг на друга!

— Дима, давай прокатимся на колесе обозрения, — предложил Женя.

— На колесе обозрения? С удовольствием. — Мужчина посмотрел Ане в глаза. — Вы разрешите составить вам компанию?

— Да не будет она кататься, она высоты боится, — бросил Женя.

Аня усмехнулась:

— Это правда. Кто-то боится пауков, а я высоты.

— Больше она ничего не боится, она у меня особенная, — с гордостью добавил мальчик.

— Женя, перестань! — Аня снова покраснела, и Диме вдруг захотелось обнять и успокоить эту натянутую как струна девушку с огромными синими глазами.

Он не мог объяснить себе, что привлекло его, избалованного женским вниманием, к этой ничем не примечательной худышке — фигура далека от идеала, скорее мальчишеская, чем женская, почти плоская грудь, узкие бедра, бледное лицо без макияжа. Правда, волосы удивительные, блестящие, волнистые... Так и хочется их потрогать. Но все-таки... Все-таки он не кривил душой, когда сказал, что она красивая. Красота таилась в ее движениях, в осанке, в том, как она провела рукой по волосам, и его сердце екнуло... А потом он увидел ее глаза. Глубокие, как озеро. И в этих озерах таилась тревога. Вот сейчас она смотрит то на него, то на брата, шагающего между ними, смотрит с тревогой, и Диме хочется прямо сейчас, без промедления, ее защитить. От кого — неизвестно, но такое желание присутствует.

Они подошли к аттракциону.

— Вы действительно боитесь высоты? — спросил Дима у Ани, когда они направились к кассе.

— Да. — Девушка вынула из сумочки кошелек.

— Позвольте, я куплю билеты. — Дима мягко отстранил ее от окошка и протянул кассиру деньги. — Два взрослых, — бросил он, наклонившись.

— Не нужно! — решительно заявила Аня. — Я сама могу купить билет! — Ее глаза метали молнии. Она попыталась отеснить Диму, но он уже держал в руках два билета. — Больше так не делайте! — сердито потребовала она.

— Не буду.

— Спасибо, — сказала Аня после короткой паузы, бросив на Диму взгляд, полный упрека.

— Пожалуйста, — ответил он, восхищенный ее сердитостью.

И вдруг ему так захотелось ее поцеловать! Не жадно, а нежно — едва коснуться губ и почувствовать ее дыхание. Странно — он без труда знакомился с девушками, легко заманивал их в свои объятия, но с Аней... Нет, он не хочет ее заманивать, он хочет просто быть рядом с ней, держать ее за руку. Это желание возникло в тот самый момент, когда она повернулась к нему, собираясь что-то сказать, но так и не сказала. Однако ее взгляд был красноречивее слов. Он затронул самые потаенные, самые

тонкие струны Диминой души. Прежде он даже не знал о существовании этих самых струн. И еще что-то теплое, нежное выглянуло из синих озер, за доли секунды «пощупало» его, прильнуло, обняло и снова исчезло в их таинственной глубине. Это длилось несколько мгновений, и в это время мир застыл. Дима видел это! Видел, как замерли люди, аттракционы, птицы в небе, как тишина покрыла землю, солнце ослабило жар, а жар его сердца в тот момент достиг своей наивысшей точки.

Дима вскочил в движущуюся кабинку. Она поднималась все выше и выше, но он не видел открывающейся перед ним панорамы — он смотрел вниз, на уменьшающуюся тоненькую фигурку с поднятой головой, и его бешено колотящееся сердце не уставало удивленно и радостно повторять: «Это она... Это она. Она!»

— Тебе понравилась моя сестра? — Голос Женьки вернул его в реальность.

— Да, — Дима кивнул, — понравилась.

— Она классная.

Дима улыбнулся:

— Да, классная...

Он посмотрел на Женю и вдруг увидел в глазах пацана то, чего в них быть не должно, — необычную серьезность.

— Ты ей тоже понравился. — Лицо мальчика ничего не выражало, оно будто окаменело.

Дима вскинул брови:

— Ты так считаешь?

— Да. Ты собираешься поморочить ей голову и бросить?

— Ну, зачем так? — Он нервно усмехнулся. — Нет, я не собираюсь морочить голову твоей сестре.

— Сколько тебе лет? — Голос мальчика звучал серьезно.

У Димы возникло впечатление, что там, внизу, с ним разговаривал совсем другой Женя.

— Двадцать девять.

— Ты женат?

— Нет, не женат, — ответил сбитый с толку Дима.

Он не мог понять, почему отвечает на вопросы этого мальчишки, заданные довольно невежливым тоном, и уже начинал злиться.

— Это хорошо. Ты просто любишь знакомиться с девушками на улице? — продолжал расспрашивать Женя.

Увы, из маленькой кабинки, ползущей вверх, не выйдешь и пацана не вышвырнешь, а Диме очень хотелось закончить общение с этим нахалом.

Он прищурился и подался вперед:

— Слушай, кем ты себя возомнил? И вообще... Чего ты ко мне прицепился?

— Я к тебе прицепился? — Женя распахнул глаза. — Это ты к нам прицепился. — Он тоже подался вперед. — Вот что я тебе скажу. — Мальчик смотрел прямо на Диму. — Моя сестра не такая, как все. Если ты хочешь просто покувыркаться в койке, то ищи себе другую девушку, с Аней это не пройдет. Я не позволю ее обижать. Запомни, причинишь ей боль, и я тебя убью. — Женька откинулся назад и, сверля Диму недобрým взглядом, скрестил руки на груди.

Некоторое время Дима переваривал услышанное, а потом спросил:

— А почему ты решил, что я могу причинить твоей сестре боль?

— Потому что... — Женя запнулся, почесал затылок, и это получилось совсем по-детски. — Я же сказал — она не такая, как все.

ДЕВОЧКА НЕ ТАКАЯ, КАК ВСЕ

— Куда прешься?! Посмотри, на кого ты похожа! — Галка отталкивает Аню от калитки.

Аня с интересом смотрит на подружку, потом на свои руки. Они в песке. Платье тоже в песке, колени содраны — неделю назад она каталась на велосипеде и упала. Аня растерянно улыбается. Она не понимает, почему Галка, с которой они столько лет вместе играют в куклы, не пускает ее во двор.

— Ты чего? — спрашивает Аня.

— Иди отсюда, — сердито бросает Галя.

— Почему? — Аня растерянно моргает.

— По кочану! — ворчит девочка и захлопывает калитку на щеколду.

— Галка, ты чего? — кричит Аня. Ее голос дрожит, ей обидно. — Галя! — Она ищет в заборе щель, но доски подогнаны безукоризненно — отец Гали, дядя Вася, лучший в селе столяр.

Хлопает дверь дома. Быстрые шаги по дорожке. Калитка распаивается.

— Ты хочешь, чтобы тебе по шее надавали?! — Над Аней нависает Шурка, Галкина сестра. Она старше Гали, на целых восемь лет. — Пошла отсюда, и чтобы духу твоего здесь не было!

Аня вздрагивает. Втянув голову в плечи, она испуганно пятится, спотыкается о кирпичи, ребром воткнутые в землю — это ограждение палисадника, — и падает на куст георгинов. Затем вскакивает и хочет бежать домой, но не может — ее парализовало от испуга. Это уже не первый раз. Что интересно, испуг этот имеет определенную форму: он круглый, размером с Анин кулак и находится в середине ее груди, рядом с сердцем. Когда девочке очень страшно, он твердеет и Аня начинает задыхаться.

С трудом справившись с одышкой, девочка топаёт домой. Там ее ни о чем не спрашивают — мама и отец чем-то сильно озабочены. Это хорошо, пусть лучше молчат, чем ссорятся. Аня умывается, достает из холодильника ужин — винегрет, накладывает полную тарелку и, придерживая пальцами открытую книжку, съедает все до последнего кусочка, потому как нет ничего вкуснее винегрета, приготовленного бабушкой. Затем она чистит зубы и, обняв рыжую игрушечную собаку, подаренную бабушкой, ложится спать. Девочка не сразу засыпает — ей мешает разговор родителей за стеной, который ведется на повышенных тонах. А еще ее беспокоит то, что днем мама и папа поругались с бабушкой; тот ушел и пока что не вернулся. Зачем они ссорятся? Странно это — люди женятся, чтобы приносить друг другу радость (вдвоем ведь лучше, чем одному), а потом все время ссорятся. Аня смотрит в окно, на звездное небо, и, прижимая собаку к груди, шепчет:

— Бабушка, вернись домой, пожалуйста ...

Девочка плачет. Постепенно она засыпает, и ей снится дед, улыбающийся, красивый, синеглазый. Он тянет к ней руки, и она прыгает в его объятия, самые теплые на земле, самые ласковые, самые надежные. Во сне она улыбается, во сне она счастлива.

Аню разбудили крики, и из них она узнала, что ее отец ... В общем, ее отец и Галкина мама ... В общем, они это ... Городскому ребенку достаточно побыть в деревне несколько дней, чтобы разобраться в том, зачем собачка прыгает на собачку. Но отец и тетя Катя?.. Они же такие старые!

Утром родители засобирались домой. Аня не хотела уезжать, просила у бабушки разрешения остаться.

— Анютка, поезжай, тебе надо к школе готовиться, а я скоро к вам приеду. — Дедушка поцеловал ее, крепко обнял, и она еще долго махала ему рукой, прижав нос к грязному стеклу.

Трясаясь в пыльном вонючем автобусе, девочка чувствовала, что многое изменилось — между ее родителями, между мамой и бабушкой, между отцом и бабушкой. И еще она чувствовала, что скоро что-то случится, ведь ее мама, и без того хмурая, стала жутко раздражительной. С ней невозможно было разговаривать — она сразу злилась, кричала или ни с того ни с сего плакала ...

Прогноз оправдался. В середине сентября Аню разбудил громкий крик мамы, доносящийся из коридора: «Папа, я сейчас приеду! Как не нужно?! Нет, я приеду!» Аня приподнялась на локте, и тут мама в ночной рубашке влетела в ее комнату и бросилась к платяному шкафу.

— У деда хлев сгорел! — Она распахнула дверцы шкафа и потянулась обеими руками к верхней полке. — Господи, да что же это такое! И все на мою бедную голову!

Аня села, и испуг в ее груди начал твердеть.

— А Клякса? — закричала девочка. — Что с Кляксой?!

— Да жива твоя корова! — Мама шарил руками в стопке постельного белья. — Не понимаю... — Она перестала шарить и посмотрела на мужа, появившегося в дверях. — Ты брал деньги? Двести девяносто рублей? Они тут лежали. — Она ткнула пальцем в стопку.

— Ничего я не брал, — развязным тоном ответил отец, выдвигая вперед нижнюю челюсть и принимая такую позу, в которой становился похож на уголовника. Кто такие уголовники, Аня уже знала — это бабушкин сосед дядька Жорка, он недавно вернулся из тюрьмы. Он весь в наколах и шепелявит, потому что у него нет передних зубов. Когда идешь мимо него, он обязательно подставит тебе подножку или замахнется, будто ударить хочет. Ты отскакиваешь пугливо, а он ржет на всю улицу.

— Инна, а зачем тебе деньги? — Отец сунул руки в карманы спортивных штанов и наклонил голову к плечу.

— Уйди с моих глаз!

— Кажется, я задал вопрос.

— Николай, уйди!

Аня шумно втянула воздух, и мама прикрикнула на нее:

— А ты возьми себя в руки!

Девочка стиснула кулаки, пытаясь глубоко вдохнуть, но у нее ничего не получалось. Она ловила воздух ртом, выпучив глаза. Мама задержала на ней взгляд, затем вышла из комнаты и вернулась с чашкой воды:

— Выпей!

Сидит Аня на постели, воду маленькими глотками хлебает.

— Значит, ты с этой тварью мои кровные прогулял? Говори, прогулял?! — Мама с ненавистью смотрит на отца.

На его лице ухмылка.

— Значит, прогулял, — обреченно говорит мама. — Ну ты и гад... Что ж ты делаешь? Они же все сумасшедшие! Все твои родичи, как один! А Каткин муж трижды сумасшедший! Какого черта ты гадишь родственникам?! Какого...

Мама не успела договорить — отец ударил ее кулаком в лицо. Потом еще и еще... Беспорядочно взмахивая руками, мама несколько раз вскрикнула и вдруг умолкла и упала навзничь, будто ватная кукла — таких кукол по телевизору в криминальной хронике показывают, на них убийца демонстрирует, как нападал на жертву. Голова мамы глухо стукнулась о пол, и она замерла. Аня уронила чашку на одеяло, закричала, бросилась к маме, но та не шевелилась. Кровь из носа стекала на щеку, за ухо. Уже и линолеум в крови... Лицо в жутких ссадинах — это все из-за золотого перстня с прямоугольным камнем, который отец носил на среднем пальце... Отец попинал носком ее лицо, присел на корточки, ткнул в плечо пальцем... Тем самым, с перстнем. На перстне кровь.

... Аня всегда будет помнить то утро — оно предстает перед ней, как в замедленной съемке. Будет помнить, как воздух порциями проникал в ее легкие, но легче ей не становилось. Ее ребра будто стянули ремнями, и девочка не могла пошевелиться, а только кричала, вернее, раскрывала рот, но крика не получалось. Она тащила маму за руку, но та оказалась невероятно тяжелой. Такой тяжелой, что Аня не смогла сдвинуть ее с места. Отец все это время бегал по квартире. Аня не хотела просить его о помощи — боялась, что он ударит и ее, потому что глаза у него были бешеные. Он снова присел на корточки, похлопал маму

рукой по щеке, но она не шевельнулась. Со словами «вот сучка!» он быстро поднялся, сунул руки в карманы, вздернул плечи к ушам и наклонился к Ане.

— Если что — ты ничего не видела. — Его глаза метали молнии. — Усекла? Иначе убью!

Девочка кивала и испуганно следила глазами за отцом. Он выбежал из комнаты, снова вернулся, уже в форме, и, торопливо застегивая китель, посмотрел на жену. Потом вышел из квартиры, непривычно тихо закрыв за собой дверь. И мама тут же вздрогнула, застонала, поморщилась и открыла глаза.

— Мапочка... мама... — Из глаз Ани полились слезы, и ей сразу стало легче дышать.

Мама медленно подняла руку и принялась ощупывать лицо. Она провела пальцем по окровавленным губам, по зубам и скривилась. Опираясь на руку, мама села, прижалась спиной к стене и только тогда сосредоточила взгляд на рыдающей Ане.

— Не реви... Дай мне полотенце... — Она едва шевелила губами.

Девочка кинулась в кухню и сдернула полотенце с крючка.

— Намочи...

Аня намочила, отжала и дала полотенце маме.

— Подонок... Ох и подонок... — сипела мама, осторожно прикладывая полотенце к ранам. — Где он?

— Ушел, — ответила Аня.

Она была рада этому: как только отец уходил, в их доме становилось светлее, честное слово. Может, он больше не вернется? Вот было бы здорово! Они с мамой жили бы вдвоем — им никто не нужен, только дедушка. Может, мама станет доброй? Она ведь бывает такой. А с отцом она злая, да и он всегда злой. Иногда Ане кажется, что он вообще не умеет спокойно разговаривать, а только как дядька Жорка, но ее отец не уголовник, наоборот — он работает в милиции и ловит преступников. Конечно, это он взял деньги — даже если на столе лежит рубль, он его заберет. А тут, шутка ли — двести девяносто рублей! Мама копила их себе на зимние сапоги и Ане на пальто, откладывала из своей зарплаты, ведь отец дает деньги только на питание — каждый месяц сорок пять рублей и ни копейки больше. Мама говорит, что этого мало, а он ей: «На человека — рупь пятьдесят в день. Этого достаточно». Так и произносил: «рупь». О том, чтобы

он давал деньги на пропитание Ани, и речи быть не могло. Отпуск родители проводили порознь — мама отдыхала с Аней у бабушки в селе, это всего полчаса на автобусе от конечной станции метро, а отец — на море. Аня моря еще не видела, только по телевизору, но с отцом ни за что не поедет, да он и не предлагал.

— Давай я помогу тебе встать. — Аня топталась возле мамы.

— Не надо, я сама.

Девочка с тревогой наблюдала за тем, как мама поднимается на ноги, как, шатаясь, бредет в ванную.

— Я открою. — Аня забежала наперед и распахнула дверь.

— Вытащи тазик из-под ванны, — сказала мама.

Аня вытащила. Мама сняла испачканную кровью ночную рубашку и бросила ее в таз.

— Постирать? — с готовностью спросила Аня.

— Залей холодной водой и засунь под ванну. И полотенце тоже залей. — Мама прижала пальцы к виску и закрыла глаза.

— Может, потом искупаешься? А то вдруг упадешь.

Мама отрицательно помотала головой:

— Нет, сейчас...

Аня с недоверием посмотрела на нее и направила струю холодной воды в таз. Замочила вещи, сунула таз обратно под ванну, вышла в коридор и прижалась спиной к дверям кладовки, чтобы видеть маму.

— Не стой тут, — бросила та через плечо.

— А если тебе станет плохо?

— Не станет.

— Тогда я вымою пол.

— Давай... — И мама закрыла дверь в ванную.

Аня метнулась на балкон за ведром и тряпкой, набрала в кухню воду и, пока оттирала кровь, все время прислушивалась к тому, как шумит вода в ванной.

— Анюта, дай мне чистый халат! — крикнула мама, и девочка бросилась в спальню.

«Надо выбрать самый красивый», — подумала она, разглядывая четыре маминых халата, и наконец отдала предпочтение малиновому с белыми ромашками.

— Повесь его. — Мама куталась в полотенце, мокрые волосы облепили ее лицо, шею, плечи.

Аня повесила халат на крючок.

— Мама, а почему сгорел дедушкин сарай? Что случилось?

И вдруг мамино лицо задрожало и исказилось. Опухшие, посиневшие губы растянулись, и мама заплакала. Плача, она выбралась из ванны, натянула халат и, оставляя за собой мокрый след, босиком побрела в спальню. Аня хотела последовать за ней, но мама остановила ее:

— Не ходи...

— Я подушку поправлю.

Аня шмыгнула к кровати, взяла подушку, подождала, пока мама ляжет, затем укрыла ее одеялом и помчалась в свою комнату. Торопливо отжала тряпку, вынесла ведро в коридор, вернулась и вытерла расплескавшуюся воду. После этого она заглянула в спальню:

— Мамочка, тебе что-нибудь принести?

— Дай мне телефон.

Аня осторожно перенесла телефон с тумбочки, стоявшей в коридоре, на край кровати. Лежа на боку, мама позвонила бабушке и бодрым голосом сообщила, что ее не отпускают с работы.

— ...Извини, папа, скоро квартальный отчет... Хорошо, мы с Анютой в субботу приедем. Пока...

Она положила трубку и натянула одеяло на плечи.

— Может, поешь? — робко спросила Аня. — У тебя тут кровь, — она коснулась пальцем своей верхней губы.

— Я не хочу есть... Дай мне перекись и вату. И зеркало...

Аня побежала в кухню и вернулась с зеркальцем в овальной пластмассовой рамке с черно-белой фотографией Зеркальной струи на обратной стороне и картонной коробкой из-под утюга, выполнявшей роль аптечки. Лекарств в аптечке было немного — несколько начатых упаковок аспирина, анальгина и димедрола, бинт, вата и стеклянные бутылочки с валерьянкой, перекисью, йодом и зеленкой.

— Спасибо, — сказала мама, не открывая глаз, — иди к себе... Дверь закрой...

Аня тихонько прикрыла дверь и, чувствуя себя как никогда нужной маме, с воодушевлением вытерла капли воды на полу в коридоре, потом вымыла пол в кухне, прополоскала тряпку, лежащую у порога, и, удовлетворенная, поставила чайник на плиту.

— Мама, ты чаю хочешь? — спросила девочка, приоткрыв дверь.

— Нет, — бесцветным голосом ответила мама.

— А я буду.

— Поешь ... Колбасу возьми, сыр ...

— Мама, я дедушке позвоню ...

— Не надо, ты уже в школе должна быть ...

— Я скажу, что простудилась.

— Хорошо, позвони, только лишнего не ляпни ... — просто-нагла мама.

Аня кинулась к телефону и набрала сначала код района, а потом дедушкин номер. Дедушка долго не подходил к телефону, и она уже собиралась положить трубку, но тут в трубке щелкнуло и хрипый голос произнес:

— Да, слушаю!

Аня невольно улыбнулась. Слышать дедушку Рому — это как на солнышке греться.

— Дедуля, это я, привет ...

— Привет, моя хорошая ...

— Деда, мама сказала, что у тебя хлев сгорел ...

— Да, Анютка, сгорел, одни стены остались.

— Вот горе ... А где теперь Клякса будет жить?

— В деревянном сарае, пока я новую крышу не поставлю. Да и тепло еще, она и на улице пожить может.

— А ты не обжегся?

— Нет, не обжегся.

— А сильно горело? — Аня вспомнила, как однажды вспыхнул большой киоск на их улице. Казалось, пылать будет долго, но огонь охватил его в считанные минуты и уничтожил задолго до приезда пожарных.

— Ну как тебе сказать? Сильно. Если бы не Рекс, не знаю, чем бы все закончилось. Это он разбудил меня, и я успел вывести Кляксу ...

— Молодец Рекс!

— Ага. Он возле меня крутится, привет тебе передает.

— И ты ему передай.

— Передам. Анюта, а почему ты не в школе?

— Я простудилась. — И для подтверждения своих слов девочка так кашлянула, что у нее и вправду запершило в горле.

— Что, опять мороженое ела?

— Ага, ела, — с готовностью ответила Аня.

— Это плохо, тебе горлышко беречь надо. А мама ничего мне не сказала ...

— Она не хотела тебя огорчать. Тебе и так досталось ...

— Это точно.

— Деда, а чего хлев загорелся?

— Не знаю... Может, замыкание ...

— Может... — задумчиво сказала Аня.

— А ты горлышко лечишь?

— Конечно! Я горячее молоко с медом пью, так что скоро все пройдет.

— Молодец. Я вам еще меда дам, мне тут привезли. И липу сушеную дам. Ладно, солнышко, мне делами надо заниматься. Я вечером позвоню.

— Хорошо, бабуля, мы будем ждать. Извини, что мама не приехала ...

— Ничего, ей работать надо.

— Я по тебе скучаю.

— И я.

Аня положила трубку, прислушалась — в спальне было тихо — и пошла в кухню. Сделала два бутерброда с колбасой и села у окна. Чайник закипел, но девочка этого не замечала — она мечтательно, с легкой тревогой смотрела в окно. Она так хотела верить в то, что теперь отец с ними жить не будет и все у них наладится. Мама уже много раз просила отца оставить ее и Аню в покое, мол, давай разведемся, поступи как настоящий мужчина — уйди, но отец не хотел становиться настоящим мужчиной.

— И не мечтай, — говорил он, — я тут жил и дальше жить буду. Эта квартира не только твоя, но и моя.

Девочка в этих разговорах ничего не понимала, разве только то, что в случае развода он будет делить квартиру, но она знала, что есть документ, подтверждающий, что квартира принадлежит только маме. Однако отец плевал на этот документ и часто выпроваживал маму с Аней из дому, особенно когда напивался. Придет ночью с работы, разбудит и гонит, ни одеться, ни обуться не дает. Мама умоляет его успокоиться и лечь спать, а Аня в раскладушку вожмется, одеяло на голову натянет. Ей душно, она задыхается, но страх, что отец ее заметит, сковывает ее тело до кончиков пальцев. Вот так она и лежит, пока скандал не закончится или пока мама не сгребет ее в охапку и, сорвав с гвоздя ключи, не бросится наутек,

подгалкиваемая мужем в спину. Вызывать милицию бесполезно — везде дружки отца. Поначалу Аня с мамой пережидали у соседней, а потом, когда те попросили их больше не беспокоить, сидели на чердаке. По чердаку проходят трубы отопления, там даже зимой не замерзнешь. Посидят они час-полтора — этого достаточно, чтобы отец вырубился, — затем тихонько проберутся в квартиру, в Анину комнату, и уснут — Аня на раскладушке, мама на полу. Однажды они даже ночевали на чердаке, потому что отец упал в коридоре на пороге и заблокировал дверь.

Утром он уже трезв и ведет себя как ни в чем не бывало. Аня не понимает: почему так происходит? Почему ее родители ссорятся, дерутся, но не разводятся? Вон у Оли с четвертого этажа мама и папа тоже все время ссорились, а затем развелись, и теперь Олька — нормальная девчонка, а была какая-то дерганая, крикливая. Конечно, иногда отец Ани становился другим. Нет, он не превращался в добряка, он просто не замечал Аню, и она, затаив дыхание, старалась не попадаться ему на глаза, если это вообще возможно — в туалет ведь надо ходить и в кухню!

Однажды отец вошел к ней в комнату, сел на стул, улыбнулся и спросил: чего она в жизни хочет больше всего? Сердце девочки екнуло. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы ее родители не ссорились, но уже тогда она понимала, что говорить об этом не только бесполезно, но и нельзя, потому как можно схлопотать. А вообще... Вообще Аня вот чего хотела: диван вместо раскладушки, потому что на раскладушке спать неудобно, она старая и так провисла, что у Ани наутро болит спина. И еще раскладушка так сильно скрипит, что девочка просыпается от этого звука. Еще ей нужен коврик (хотя можно и без него). И новая гардина — та, которая висит на окне, чересчур короткая, и видна батарея отопления, а это некрасиво. Письменный стол тоже не помешал бы, а то на коробке от телевизора делать уроки неудобно — ноги некуда девать. Ладно, не надо письменного стола, но вот лампа настольная просто необходима... Аня перечислила все это по порядку, сбивчиво, скороговоркой, не сводя с отца мечтательных глаз. Он слушал, и его губы растягивались в улыбке. Точнее, Аня думала, что отец улыбается. На самом деле он презрительно ухмылялся.

— А ты, оказывается, вся в мать. Все тебе мало! — хмыкнул он. — Вот это видела? — Он скрутил кукиш и сунул его Ане под

нос. Девочка не нашлась что ответить. Отец долго смотрел на нее, окаменевшую, потом досадливо мотнул головой и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

ГЛАВА 2

«Ах ты, маленький негодяй!» — думал Дима, глядя в спину Жене, — как только кабинка приблизилась к платформе, мальчишка ловко выскочил из нее и побежал к сестре. Надо же, волчонок в овечьей шкуре! Ну ладно, посмотрим, кто кого. Или, может... Может, ну их?

Дима тоже выскочил на платформу и сразу поймал заинтересованный взгляд очаровательной брюнетки — вот, пожалуйста, любая тут же побежит за ним. Но... Аня не любая. Пацан прав: его сестра не такая, как все, Дима это сердцем чувствовал. Она действительно особенная, вот только в чем заключается эта особенность? Дима посмотрел на Аню, о чем-то говорящую с братом.

... Странно все это — еще утром он думал о том, что хорошо бы какое-то время ни с кем не встречаться, потому как девушки надоели ему своими капризами, то подарки требуют, то «давай поедem в Европу», то «ой, моя подружка нашла такого хорошего косметолога, а у меня денег нет...» Вон его сотрудник поехал с подружкой в Рим, так она ему такие истерики устраивала перед бутиками, мол, ты со мной спишь, так будь добр, раскошеливайся! Он и раскошелился — снял ей номер в другой гостинице, свой билет поменял на другой рейс и уже с полгода ходит свободный — от сиюминутных увлечений, неизменно заканчивающихся новым сиюминутным увлечением. От связей с теми, кого не любит, хоть и делит с ними постель. От женщин, рядом с которыми сердце как билось спокойно, так и бьется, и не екает, хоть тресни!

Друзья Диме уже голову прогрызли: пора жениться, твои ровесники уже детей в школу отвели, а ты все выбираешь! Да не выбирает он, он просто еще не встретил ту, которой отдал бы свое сердце... Да, пару раз девушки требовали, мол, давай поженимся, но... Как можно жениться по требованию? Как можно жениться, если не любишь? А любовь нельзя выбрать, ее можно

только встретить. «Тогда ходи по ночным клубам, на вечеринки», — твердят друзья и приглашают его на корпоративы, презентации, выставки. Ну и что? Да, было у него несколько интрижек, ни уму, ни сердцу, а только, простите, половому органу. При этом каждая девушка сразу же пытается выяснить, чем он занимается, а как только узнает, что Дима работает во французо-немецко-украинской компании, все — «Ваня, я ваша навеки!».

Как там говорил его дед? «Сердцем ты всегда узнаешь свою женщину». Станный он был, его дед — любил одну, женился на другой. Семью создал поздно, в сорок два, а бабушке было двадцать восемь. Она умерла рано, ей и сорока не было, Дима ее не видел, только на фотографиях. Красивая была женщина, говорят, что у него ее глаза, а душа как у деда — пытливая, осторожная и немного старомодная. Дед так и не женился во второй раз. Время от времени он уезжал в Запорожье, оставляя у Димы кота Марсика. Уже и Марсик умер от старости, уже и следующий кот покинул деда, а тот все ездил в Запорожье, считай, каждый месяц. А когда его не стало, на похороны из Запорожья приехала старушка. Она не плакала у гроба. Она была такая сухая, что отсутствие слез не удивило Диму. Старушка ничего не говорила, просто стояла, застыв как мумия. На похоронах было много людей, но Дима не мог оторвать от нее глаз. Время от времени к ней подходила его мама, что-то говорила. Мумия улыбалась уголками рта и смотрела бесцветными глазами куда-то в сторону. После похорон Дима пристал к маме с расспросами: кто это? Мама только фыркнула и поспешила ретироваться. И тут к нему подошла двоюродная бабушка, сестра деда. У нее в глазах стояли слезы. Она вынула из кармана платок, быстрым движением вытерла глаза, щеки, нос, но слезы вдруг потекли ручьем.

— Твой дедушка любил эту женщину... всю жизнь. — Бабушка тяжело, порывисто втянула носом воздух. — Ой, горе...

Через две недели позвонил муж «мумии» и сообщил: она ушла на небо, к Диминому дедушке. Дима помнил тот звонок: это было вечером, они сидели у телевизора. Мама выслушала говорившего, швырнула трубку на рычаг и почему-то сверкнула глазами на папу. А уже после смерти отца Дима от той же двоюродной бабушки узнал, что папа тоже не был примерным мужем. Так уж сложилось, что он любил свою однокурсницу, но потом между ними пробежала черная кошка и папа женился на маме.

Со временем плохое забылось и все началось сначала. Дима видел эту однокурсницу на похоронах отца — двоюродная бабушка показала. Вот такие они, мужчины его семьи...

Женя маячил за спиной сестры, пристально глядя на приближающегося Диму.

— Спасибо вам большое. — Аня расплылась в улыбке.

— Меня не за что благодарить. — Дима сунул руки в карманы джинсов и краем глаза заметил усмешку на губах Жени. — Ваш брат — отличный собеседник, с ним очень интересно, так что это я должен вас благодарить.

Лицо «отличного собеседника» вытянулось. «Я тебя еще не так умою», — подумал Дима, и тут Аня посмотрела на часы: — Очень жаль, но нам пора домой.

Женька наверняка не все уроки сделал, с сожалением подумала она.

— А давайте выпьем кофе? — предложил Дима и, встретившись со строгим взглядом Ани, твердым, не терпящим возражений тоном продолжил: — Я угощаю!

... Аня и Дима пили кофе, а Женька, посасывая через трубочку апельсиновый фреш, засыпал мужчину вопросами и, услышав просьбу Ани помолчать, закрывал рот на несколько секунд, а затем, поерзав на стуле, снова обрушивался на Диму:

— Значит, ты живешь с мамой?

— Да.

— А отец где?

— Умер пять лет назад.

— Очень жаль, — сказала Аня.

— А вы с кем живете? — спросил Дима.

— Мы живем вдвоем. — Женя потянул сок через трубочку. — Наши родители умерли.

— Хм... Это печально.

Дима взглянул на Аню и вдруг увидел в ее глазах тщательно скрываемую боль. Ему захотелось, чтобы эта боль исчезла и никогда не возвращалась, и он в порыве нежности и доброты положил руку поверх Аниной, покоящейся на столе и сжатой в кулачок. Положил и почувствовал, как рука девушки дернулась, будто хотела нырнуть под стол, но он держал ее крепко и смотрел прямо в глаза-озера.

— Мне очень жаль...

Женька отодвинул от себя пустой стакан и откинулся на спинку стула:

— Ну что, по домам? Не хочется, но надо...

Женя снова шел между Аней и Димой, а они снова бросали друг на друга осторожные взгляды, высекавшие искры, видимые только ими. С момента знакомства прошло чуть больше часа, но казалось, будто они знают друг друга сто лет и им не хватит вечности, чтобы наговориться и насмотреться друг на друга.

— Вон моя квартира, на пятом этаже, видите? — сказал Дима, подняв руку. — Балкон и два окна. На балконе — лестница-стремянка. Среднее окно мое.

— Вижу... — Аня кивнула.

— Я провожу вас: мне надо зайти в булочную, которая находится в вашем доме.

«Отличный собеседник» посмотрел на него вопросительно и криво усмехнулся. Дима довел их до подъезда.

— А где ваши окна? — Он переводил взгляд с одного этажа на другой.

— Вон, на четвертом этаже, — Аня указала пальцем, — два окна...

— Надо же... Под вами живет мой одноклассник.

— Там живет семья военного...

— Да, это они. Ну... — Дима улыбнулся через силу, посмотрел на брата, потом на сестру. Надо уходить. А так не хочется! — Был рад знакомству... — Глядя Ане в глаза, он быстро провел рукой по волосам.

— Мы тоже, — сказал Женя и надавил на кнопки кодового замка.

Аня отвела взгляд в сторону:

— До встречи.

— До встречи, — эхом отозвался Дима.

Она вошла в подъезд с упавшим сердцем — Дима не попросил у нее номер телефона... Догоняя брата, девушка вынула ключи из сумки.

— Чего молчишь? — Женя остановился на площадке второго этажа.

— А что я должна сказать? — Аня прошла мимо него.

— Как что? Он тебе понравился, да?

— Не знаю.
— Не знаешь? Да у тебя на лбу написано: «Я на него запала!»
— Так уж и написано?
— Да. Аня, — Женя топал за ней по лестнице, — я просто не хочу, чтобы ты снова страдала.

Девушка подошла к своей квартире и вставила ключ в замок.

— Я больше не буду страдать. — Она повернула ключ.

— А вдруг? Вдруг он окажется такой же сволочью, как Игорь?

Аня поморщилась:

— Женя, я еще ни с кем не встречаюсь!

Она вошла в квартиру, бросила сумку на стул, сняла туфли. Женька посмотрел на свое отражение в зеркале, запустил пятерню в рыжие волосы — нормальная прическа! А то Анька прицепилась: постригись!

— Этот Дима знает, где ты живешь. Он еще придет. — Мальчик наклонился, чтобы развязать кроссовки.

Аня сунула ноги в тапочки и подбоченилась:

— Слушай, дорогой мой братик, если бы он хотел прийти, то взял бы номер моего телефона!

Женя ухмыльнулся:

— Это выглядело бы некрасиво.

Аня открыла рот от удивления:

— Почему некрасиво?

— Ну, сама посуди... Рядом стоит взрослый брат девушки, а ты просишь у нее телефончик... Угумс... Телефончик берут, когда говорят один на один, понимаешь?

Аня прижала пальцы ко рту: боже мой, он уже совсем вырос... Хм... А она по-прежнему считает его ребенком, который в ней нуждается...

— Понимаю. — Аня улыбнулась уголком рта и направилась в кухню. — Сосиски есть будешь?

— Буду.

Войдя в кухню, Аня остановилась. Теперь она на своей территории, теперь можно все спокойно обдумать. Не надо нервничать — у нее нет на это сил. Взял телефон — не взял, все это пустилки. Женя прав: хватит с нее переживаний, хватит всяких козлов... Но, сколько бы Аня себя ни убеждала, о Диме ее сердце говорило другое — он не такой, как все. Не такой. У него удивительно добрые глаза. Он не способен причинить боль.

И тут же червь сомнения начал точить ее душу: об Игоре она тоже думала, что он не способен причинить боль, а он оказался настоящей скотиной! Больше года прошло, и только сейчас отпустило, но с трудом, и все время всплывает в памяти. Надо же, она к человеку всем сердцем, а он... Да, в том, что вокруг очень много плохих мужчин, нет ничего удивительного, Аня это с детства знает. Но чем старше она становится, тем меньше ей хочется в это верить и тем сильнее желание стать слабой, беззащитной... И еще хочется любви и счастья — без всего этого душа гаснет, будто в ней садятся батарейки. Да, у нее есть брат, они любят друг друга, сильно друг к другу привязаны, но... Это другая любовь. Еще пару лет назад и речи не могло быть о том, чтобы с кем-то встречаться — Женьку, ее бедного Женьку бросало в дрожь от одной только мысли о том, что в их доме поселится чужой человек или Аня уйдет к кому-то и бросит его одного. Господи, как медленно заживают раны, нанесенные душе... И как она могла ошибиться в Игоре? Он показался ей таким добрым, обходительным, а на поверку...

Однажды Аня не пришла на свидание потому, что Женьке нужна была помощь в подготовке к контрольной.

— ... Что ты его слушаешь? — заявил Игорь в присутствии мальчишки, когда Аня все ему объяснила. — Отдай его в интернат, а то нянчишься с ним, как с дебилом!

Это был их последний разговор, последняя встреча. Это был первый и последний парень, с которым Аня пошла на свидание, а познакомились они на вечеринке. С тех пор она ни с кем не знакомилась. Все. Достаточно. Да и парни к ней не сильно льнули.

— А как может быть иначе, если в твоих глазах написано: «Я вас ненавижу, все вы сволочи!»? — сказала Ане ее бывшая одноклассница. — Вот мужики и обходят тебя десятой дорогой.

— Так уж и написано! — не поверила Аня и посмотрела на юношу, сидящего за соседним столиком, а тот скользнул взглядом по ее лицу и поспешил отвернуться...

— Ну, убедилась? — прошептала одноклассница.

Да, Аня убедилась... А вот Дима... Она стояла к нему спиной. Иначе он бы тоже прошел мимо? Да, наверное... Значит, это правильно, что он не попросил у нее номер телефона? Значит, так должно быть? Аня стиснула зубы и открыла холодильник...

Она разложила сосиски по тарелкам, наполнила две мисочки заранее приготовленным салатом, нарезала хлеб и поставила на стол горчицу.

— Женька, иди ужинать!

Мальчик не заставил себя долго ждать.

— Я у себя в комнате поем, у меня еще дел полно. — Он поставил все на поднос и ушел.

Ковыряя салат, Аня смотрела в окно, которое заслоняла густая крона старого дерева. В кухню редко попадали солнечные лучики, и здесь всегда царил полумрак. Даже в полдень приходилось включать свет, но Ане, в отличие от ее брата, это нравилось: сумрак в сочетании со светом, падающим на середину стола из низко висящего плетеного абажура, создавал ощущение уюта и покоя. Из кухни не хотелось уходить — так и сидела бы здесь часами и смотрела в окно, на толстый ствол дуба, на крючковатые ветви, на листочки. Да и без листьев этот дуб радовал глаз — Ане теперь доставляла удовольствие любая мелочь. Как человек, переживший смерть, ценит жизнь, так и Аня ценила тишину и уверенность в том, что никто никогда не разорвет эту тишину недовольным криком...

— Я хочу покоя, хочу, чтобы меня никто не трогал, — твердила она, когда Игорь требовал объяснить, почему она хочет с ним расстаться.

И это было правдой: она хотела покоя. Еще она могла сказать ему: «Ты плохой человек», но не сказала. Зачем? Она Игорю не мама, она не собирается его учить, да и учить взрослого человека — напрасная затея. Уж она-то знает.

А теперь у них с Женькой есть свое жилье и этот самый покой. Они постепенно сделали косметический ремонт: переклеили обои, побелили потолки, покрасили окна, двери, деревянные полы. Женька даже балкон плиткой выложил, а ведь ему тогда было всего двенадцать лет. После ремонта в магазине, где Аня работает бухгалтером, осталось семь квадратных метров плитки, и хозяйка отдала ее девушке. Женька пошел в гости к однокласснику, посмотрел, как работает мастер-плиточник, и все сделал сам: и специальную смесь купил, и инструменты. Плитки хватило на пол и на часть стены, а кусочками Женька выложил подоконник.

— Аня, я чаю хочу!

— Сейчас! — Девушка набрала в чайник воды, включила его, и тут зазвонил телефон.

«На домашний звонят только Женьке», — подумала Аня, снимая с полки две чашки.

— Пожрать не дадут! — топая по коридору, ворчал Женя. — Алло! Кто? Дима?

Аня перестала жевать.

— А откуда ты узнал номер нашего телефона? — в голосе мальчишки прозвучало удивление. — В справочнике посмотрел? Хм... А тебе что, наша фамилия известна? Не известна? Хм... Ну, ты чудак... Сейчас позову... Аня, это тебя.

В горле у девушки запершило. Она легонько кашлянула, вздохнула и чуть не подавилась.

— Анька, ты слышишь?

— Да, — просипела девушка, пытаясь прокашляться.

Брат вошел в кухню.

— Давай по спине постучу. — И он поднял руку, сжатую в кулак.

Аня отрицательно помотала головой. Слезы застилали глаза, ей было трудно дышать. Она собралась с силами, пару раз натужно кашлянула, и на тарелку выскользнул кусочек помидора.

— Выпей воды. — Женя протянул ей пластмассовую бутылку. — Эй, у тебя руки дрожат.

Да, у нее действительно дрожали руки. Аня наполнила стакан водой и опустошила его большими глотками. Все, теперь она может говорить.

— Слушай, сеструха, на тебе лица нет. — Женька настороженно смотрел на нее.

— Все нормально. — Аня подошла к телефону, прижала трубку к уху и выдохнула: — Да, слушаю...

— Аня, добрый вечер...

— Добрый...

— Я это... Вот... Нашел ваш номер, это оказалось несложно.

И решил позвонить.

— Да... Хорошо...

Повисла пауза. Ане казалось, что она слышит, как на том конце провода неистово бьется его сердце. Она могла бы поклясться, что различает каждый удар.

— Я вас не отвлек?

— Нет, что вы...

— Я рад. Но если вы все же заняты, так и скажите.

— Нет, я не занята, — ответила Аня и в этот момент услышала: «Ну-ну!»

С чашкой, до краев наполненной чаем, Женя прошел мимо нее в свою комнату и, закрывая за собой дверь, скорчил гримасу, красноречиво изображающую это самое «ну-ну».

... Аня с Димой разговаривали полтора часа. Ни о чем и обо всем. Они перешли на «ты». Аня перенесла телефон в свою комнату и села на край дивана. Дима сыпал анекдотами, и она смеялась до колик в животе. Он рассказал о лаборатории, о младших научных сотрудниках, о шефе, выращивающем орхидеи в мансарде лабораторного корпуса. О том, что их лаборатория находится на окраине города и сотрудников отвозит туда служебный автобус, и что в прошлом году он ездил в Ганновер на всемирную выставку — у их фирмы там был свой павильон. Аня рассказала ему о магазине, в котором работает, о том, что в свободное время больше всего любит читать. Цветы она тоже любит, но вот орхидеи... Если честно, не очень.

— Почему? — удивился Дима.

— Потому что они очень нежные и хрупкие.

— И что же в этом плохого?

Что в этом плохого? Наверное, дело не в орхидеях, а в ней самой — ее раздражает их нежность и хрупкость. И капризность. Однажды ее подружка сетовала, глядя на увядающую орхидею: «Как же так? Грунт купила дорогущий, поливаю из градуированной колбочки, чтобы ни на миллилитр не ошибиться, соблюдаю все правила, а цветок все равно вянет!» Глядя на эту орхидею, Аня не испытывала ничего, кроме глухого раздражения. Ей хотелось сказать подруге: «Не окружай себя такими капризными существами — от них одни проблемы».

— Да ничего в этом нет плохого, — хмыкнула Аня, — просто забот много.

— А у тебя дома есть цветы?

— Нету.

— Почему?

— Почему? — повторила Аня. — Потому, что я могу забыть их полить, и тогда цветочки засохнут. Знаешь, живое существо в доме — это ответственность, а мне и Женьки хватает. — Она коротко засмеялась.

— Аня, скажи, пожалуйста, — Дима запнулся и сразу продолжил: — А что ты делаешь завтра вечером?

— Завтра? — Ее сердечко забилося, как птичка в клетке, стремящаяся вот прямо сейчас вырваться наружу и полететь к дому с почтой на первом этаже. — Ничего.

— Может, посидим где-нибудь, кофе выпьем?

— Да, хорошо. С удовольствием...

— Во сколько заканчивается твой рабочий день?

— В пять.

— И мой тоже в пять. А возле твоего магазина я буду где-то в половине шестого.

— Хорошо, тогда я буду ждать тебя прямо у входа.

— Отлично. Значит, до завтра?

— До завтра...

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Аня положила трубку и тут же услышала из-за двери:

— Я могу войти?

— Входи.

— Я все слышал. — Женя прислонился к дверному косяку и скрестил на груди руки.

— Ну и что?

— Значит, у вас завтра свиданка? — Женька приподнял бровь.

— Да, у нас завтра свидание.

— Ну, — мальчик пожал плечами, — смотри...

— Хорошо, буду смотреть.

— Если что — скажи мне.

— Хорошо, скажу, мой защитник. — Аня улыбнулась и встала.

— А ты не лыбься, я действительно твой защитник. До сих пор жалею, что не начистил рожу Игорю...

— Ты был еще маленький.

— Год назад я был маленький?!

— Да, год назад ты был маленький, и не спорь со мной.

— Хорошо... — Женя нахмурился. — Но теперь-то я уже большой?

— Да, теперь ты большой, — засмеялась Аня.

— Отлично. Тогда пусть этот урод не попадается мне на глаза.

— Игорь когда-то обязательно попадется тебе на глаза, мы живем в одном городе, но, увидев его, ты пройдешь мимо.

— Не пройду! — почти прорычал Женя.
— Не превращайся в уroda! — Аня сверкнула на брата глазами.
— А ты не связывайся с уродами!
— Я и не связываюсь! — Она схватила телефон.
— Связываешься!
— Ты о чем? — Аня нахмурилась.
— О том, что ты об этом Дмитрии еще ничего не знаешь, а уже согласилась с ним встретиться.
— А как я могу узнать его, если не встречу? У него на лбу не написано, какой он, — буркнула Аня. — Дай пройти.
— Ну, смотри! Пусть только попробует тебя обидеть, и я его убью! — петушился Женя.
Аня посмотрела на брата и вдруг увидела в его глазах страдание и растерянность.
— Женька, — она улыбнулась и погладила мальчика по плечу, — не волнуйся, все будет хорошо.
— Посмотрим. — Он сдвинул брови.
— Хорошо, посмотрим. А теперь дай мне пройти.
Женя попятился в коридор. Аня вышла за ним и поставила телефон на тумбочку.
— Кефир будешь? — спросила она.
— Буду.
Брат выпил кефир, пожелал ей спокойной ночи и пошел к себе.
Аня долго не могла уснуть — нахлынули воспоминания... С каждым вздохом, все более тяжелым, она глубже и глубже погружалась в прошлое, в вопросы, оставленные без ответов. Да, теперь все хорошо, они с Женей находятся далеко от прежнего жилья, прежних улиц, домов, деревьев, но последнее время прошлое все чаще и чаще поднимается в ней, будто мертвенно-землистая пена давно не стирального, очень грязного белья. Оно распространяет вокруг себя зловонный, выедающий мозг запах... Дышать становилось все труднее. Аня вскочила с дивана, подбежала к балкону, распахнула дверь, выскочила наружу и полной грудью вдохнула ночной воздух. Апрель выдался невероятно теплым. Вон там его дом... В окне нет света, наверно, Дима уже спит, но в ее душе горит оставленный им крошечный огонек... Вцепившись пальцами в перила и вдыхая воздух, напоенный далеким дождем, Аня постепенно успокоилась, закрыла глаза, и вдруг ей захотелось коснуться губами его щеки, там, где была

Літературно-художнє видання

ВІНК Таня
Заміж — ніколи

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. В. Приходченко*
Редактор *О. В. Пунько*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 18.12.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Агро». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 8000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Відруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ВІНК Таня
Замуж — никогда

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Приходченко*
Редактор *Е. В. Пунько*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Євлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 18.12.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Агро». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 8000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефону справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду



Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Ще в тринадцять Аня вирішила: вона ніколи не вийде заміж. Навчена гірким досвідом — нещасливим шлюбом батьків, дівчина не вірила в кохання. Аня була не розпещена увагою хлопців, однак зовсім не засмучувалася з цього приводу. Всю свою любов вона віддавала молодшому братові Женьці, виховувала хлопчика й піклувалася про нього, як рідна мати. Аж раптом у життя Ані вихором влітає Діма... Він дарує їй те саме кохання, якого вона так боялася і на яке так чекала. Але Аня розуміє, що не готова йому довіритися...

Винк Т.

В48 **Замуж — нікогда** : роман / **Таня Винк.** — **Харьков** : Книжний Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 256 с.

ISBN 978-617-12-5112-0

Еще в тринадцать Аня решила: она никогда не выйдет замуж. Наученная горьким опытом — несчастливим браком родителей, девушка не верила в любовь. Аня была не избалована вниманием парней, однако совсем не огорчалась по этому поводу. Всю свою любовь она отдавала младшему брату Женьке, воспитывала мальчика и заботилась о нем, как родная мать. И тут в жизнь Ани ураганом врывается Дима... Он дарит ей ту самую любовь, которой она так боялась и которую так ждала. Но Аня понимает, что не готова ему довериться...

УДК 821.161.1(477)



Катя работает на знаменитом харьковском рынке «Барабашово». Она мечтала стать врачом, но судьба распорядилась иначе. Умер отец, не чаявший души в дочери, а с матерью Катя не ладит. В медицинский девушка так и не поступила, зато в приемной комиссии института встретила свою любовь — Юру. Тогда ей казалось, что это на всю жизнь, однако влюбленные разлучаются... Катя знакомится с мужчиной, так похожим на покойного отца: сильным, надежным, за таким — как за каменной стеной. У нее будет ребенок — и снова все рушится. Что ждет Катю? Боль, разочарование, одиночество? Или все-таки счастье?

Эля была влюблена в Шуру еще со школы. Однако началась война — и судьба разделила их. Шура пропал без вести. Шли годы, девушка не могла забыть о первой любви. Казалось, что она больше никогда и никого не сможет полюбить так сильно. Встреча с Юрой изменила ее жизнь. Наверное, вот оно, счастье — свой дом, любящий муж, сынишка Сашенька. Но внезапно в жизнь Эли врывается Шура — живой... Спустя долгих тринадцать лет. Женщина понимает, что все еще любит... Как быть дальше? Ведь не зря говорят: если любишь — отпусти. А сердце разрывается на части...

